

ЖАН-ЖАК РУССО и «СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

Вопросы истории и теории литературы.

Вып.9-10. Челябинск, 1972. С.140-151.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Многие мировоззренческие особенности связывают Ж-Ж.Руссо с передовыми деятелями Великой французской революции. Известно, что «Общественный договор» был настольной книгой якобинцев, что Робеспьер, Сен-Жюст, Марат считали Руссо своим наставником и учителем. Руссо принадлежал к наиболее демократической и революционной группе французских просветителей. «Он был монтаньяр между ними, жирондистами»,¹ - говорил Герцен. Жана-Жака Руссо и многих якобинцев сближает не только общность социальных взглядов, революционных устремлений, но и решение философско-этических проблем, своеобразное мироощущение человека-сентименталиста.

Сентиментализм в XVIII в. являлся не только литературным направлением, но и мировоззренческой теорией. Сентименталистами были не только писатели, но и общественные деятели, мыслители. «Сентиментальным тигром» назвал Робеспьера Пушкин. «Сентиментальными революционерами» именует последователей Руссо - якобинцев М.Н.Розанов в своей книге «Ж.-Ж.Руссо и литературное движение конца XVIII - начала XIX века» (М., 1910 г.).²

Интересна по фактическому материалу, хотя ошибочна в ряде теоретических положений монография французского исследователя П.Трахара «Революционная чувствительность (1789-1794 гг.)»³ В книге прослеживаются моменты сентиментального мироощущения некоторых деятелей Великой французской революции, но сам Руссо в этой книге, в основном, выпадает из поля зрения автора.

Показательно, что даже типично буржуазные исследователи, пытающиеся дискредитировать революционных мыслителей, не могли не отметить тесной связи между сентиментализмом Руссо и мироощущением якобинцев. Свидетельство этому книга французского литературоведа К.-А.Фюзиля «Священная зараза, или Ж.-Ж.Руссо с 1778 г. по 1820»⁴, изданная в Париже в 1932 г. Говоря о посмертной жизни идей Руссо, именуя силу его влияния «заразой», автор этой книги приводит в то же время неопровержимые факты и доказательства необычайной силы воздействия сентименталистской теории Руссо на деятелей Великой французской революции.

Связь между сентиментализмом и Ж.-Ж.Руссо и своеобразным сентиментальным мироощущением представителей левого крыла французских революционеров не принимается в должной степени во внимание авторами советских исследований творчества Руссо, а между тем рассмотрение этого вопроса может способствовать более широкому освещению особенностей французского сентиментализма, сентиментализма Руссо в частности.

Творческий метод, пронизывающий художественные произведения Ж-Ж.Руссо, неразрывно связан с важнейшими мировоззренческими особенностями этого передового мыслителя. Большой знаток и почитатель творчества Руссо Ромен Роллан подчеркивал разницу между Жаном-Жаком и другими французскими просветителями: «Вольтер и его великие сподвижники Дидро, Даламбер, Гольбах, Гельвеций воплощали в себе главным образом отрицательное начало того нового направления, мысли, которое с яростью принялось разрушать старое общество с его предрассудками и злоупотреблениями... Один лишь Руссо представляет положительное начало, утверждение новой веры, - он провозвестник Республики. И его наследие Французская революция приняла прежде, чем какое-либо иное».⁵

Руссо выступил против рационализма. Если Вольтер и энциклопедисты превозносили разум, то Руссо, разошедшийся с ними по многим принципиальным вопросам, считает чувство главным двигателем человеческих поступков и побуждений. В этом сказался демократизм Руссо, необычайно типичный для его общих позиций.⁶ Гольбах, Гельвеций и многие другие просветители, заявившие о всемогуществе разума, говорили, что человека можно воспитать, просветить, направить по разумному пути. Для этих мыслителей, выступивших с критикой церкви, раскрепостивших разум, характерен в то же время известный аристократизм, связанный с прославлением людей просвещенных, философов. Как известно, Руссо в своем трактате «Эмиль» гневно заявил: «...Мы (слава богу!) избавлены от всего запугивающего арсенала философии; мы можем быть людьми, не будучи учеными; нам нет надобности тратить жизнь на изучение этики» (II, 260).⁷ Руссо

принадлежит и такое заявление: «Если мы слабы нашими понятиями, зато мы велики нашими чувствами».⁸ Он исходит из того, что наука доступна далеко не всем, а чувства - каждому человеку. Противопоставление чувства разуму связано у Руссо с его демократическими устремлениями.

Руссо считает, что разум пассивен, а чувства человека активны. Он пишет: «Рассудок сам по себе не деятелен; он тормозит иной раз деятельность... и никогда не совершает ничего великого. Вечно рассуждать - это мания мелких умов. У сильных душ совершенно иной язык; этим-то языком они убеждают и вызывают на деятельность» (II, 294).

Воспевание человеческих чувств связано у Руссо прославлением человека, свободного от природы, энергичного, деятельного, связано с общей революционной направленностью его мировоззрения. Для Руссо ценна не столько чувствительность, сколько повышенная эмоциональность. «Он находит наслаждение во всем, где отага и опасность»⁹, - сказал о нем ученик и исследователь Луи Себастьян Мерсье. Высокие чувства помогают человеку совершать возвышенные, благородные поступки. «Любовь создает героев» - это утверждение неоднократно звучит в романе Руссо «Новая Элоиза».

Тяга человека к справедливости, по его мнению, основывается тоже на чувствах: «...На одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона» (II, 205).

Луи Себастьян Мерсье, вникая в учение Руссо, подчеркивает, что «у него рядом стоят слова: чувствительность, братство, патриотизм».¹⁰

Прославление чувствительности, достоинства души человеческой, восхищение Жаном-Жаком - сентименталистом можно встретить у многих деятелей французской революции XVIII века. Барер, известный юрист, председательствовавший на заседании Конвента во время суда над Людовиком XVI, говорил, что «каждый чувствительный и добродетельный человек признает Руссо учителем и образом», что французы «долго будут проливать слезы умиления и восхищения перед мудрейшим из философов и лучшим из граждан».¹¹ Он выступил в 1787 г. с хвалебной речью о Ж.-Ж.Руссо. Барер придавал огромное значение нравственной сущности произведений великого французского просветителя; они, по словам Барера, «согревают, возвышают и умиляют», в них «царит энтузиазм добра и добродетели».¹²

Мирабо, который на первом этапе революционных событий был, по отзыву К.Маркса, «величайшим оратором французской революции»¹³, также с восторгом говорил о сентименталисте Руссо. В его письмах к Софи, созданных в период заточения в Венсенскую тюрьму и опубликованных впервые в 1792 г., есть строки: «Читай великого Руссо..., читай его великолепную поэму «Эмиль», прекрасное произведение, насыщенное истинами нашего времени».¹⁴ Руссо для него - образец искренности, честности, высокой добродетели, человек, который «говорил, как думал, писал как говорил, жил, как писал, и умер таким, каким жил».¹⁵ Сам Мирабо гордился своей способностью чувствовать, заявлял о своем отмежевании от «бездны сухого рационализма». Строки его писем эмоциональны, сентиментальны. Подлинная красота человека - чувствительность, заявляет он.

Жан-Пьер Бриссо в своей книге «Об истине» (1782) неоднократно говорил о Жане-Жаке Руссо, называя его великим мыслителем, блестящим стилистом. «Кто посмеет когда-нибудь тебя осудить, о великий человек!» - патетически восклицает Бриссо. Он верит, что распространение идей Руссо будет способствовать тому, чтобы «восторжествовали истина и человечность».¹⁶

Те мыслители и общественные деятели, которые в дальнейшем перешли в лагерь жирондистов, в период своей революционной настроенности опирались на учение Руссо. Его идеи особенно последовательно отстаивали якобинцы. Якобинцы были близки Ж.-Ж. Руссо и по особенностям мироощущения.

Культ чувствительности в руссоистском понимании этого слова оказывается характерным для Робеспьера, Марата, Сен-Жюста. Они вкладывают в этот термин более революционный смысл, чем Барер, Мирабо.

«Чем больше человек наделен чувствительностью и одаренностью, тем больше он предан идеям, возвышающим его существо»,¹⁷ - говорит Робеспьер. Он высоко ценит в Руссо «возвышенную душу, величие характера» и в большой степени с этим связывает его революционность. В одном из своих страстных выступлений Робеспьер заявил, что «...один человек, благодаря своей возвышенной душе, величию своего характера, показал себя достойным быть наставником человеческого рода. Он откровенно напал на тиранию... Ах! Если бы он был свидетелем революции, предтечей которой он является и которая переносит его останки в Пантеон, может ли кто-нибудь сомневаться в том, что его благородная душа с восторгом приняла бы дело справедливости и равенства?»¹⁸

Задумав написание мемуаров, Робеспьер решил посвятить их «бессмертной душе Жана-Жака Руссо».

Выступления Робеспьера отличалась повышенной эмоциональностью сильнейшим средством воздействия на душу человека.

В своей речи от 26 июля 1794 г. Робеспьер, говоря о гражданской добродетели, патриотизме, подчеркивал, что это «чувство трогательное, повелевающее человеком, неотразимое, волнуемое, бурное».¹⁹

Марат, более суровый и непримиримый, чем Робеспьер, также считал необходимыми качествами революционера искренность, эмоциональность, богатство души. Революционер - это «человек сердца, гордый своей добродетелью, горящий патриотизмом, воодушевленный... величием того, что он защищает, знающий великие движения души»²⁰ (выделено мною. - Т.З.).

В одной из своих речей (8-го июня 1793 г.) Марат заявил, что неполноценность революции, ее незавершенность связаны с тем, что ее хотели совершать только с помощью философии, что самые (возвышенные чувства были подчинены голосу рассудка.

Сентиментализм как мироощущение характерен для видного представителя якобинской диктатуры монтаньяра Сен-Жюста. Сен-Жюст играл большую роль в Комитете общественной безопасности - был одним из комиссаров Конвента, отстаивал теоретически и практически необходимость использования метода революционного террора в борьбе против контрреволюции.

В то же время Сен-Жюст придавал огромное значение искренности и непосредственности человеческих переживаний, силе эмоций, сердечности человеческих отношений. Он считал, что революционер непременно должен отличаться силой чувств, «...его безукоризненная честность обусловлена не утонченностью ума, а качествами сердца».²¹ В себе он ценил «стремительность и чувствительность».²²

В одной из речей («Rapport sur la police generale, la justice, la commerce, la legislation, et les crimes des factions») Сен-Жюст рисует облик революционера, каким он его себе представляет. Наряду с непреклонностью, честностью, преданностью отечеству отличительными чертами защитника парода, по его мнению, должны быть доброта, сила чувств, отзывчивость, откровенность.

В своей речи, которую Сен-Жюст подготовил в защиту Робеспьера (8-го термидора 1794 г.), он, клеймя врагов якобинской диктатуры, восклицает: «Какое право имеете вы для своего решения, вы, считающие преступлением искусство воздействия на человеческую душу?»²³

Одной из важнейших работ Сен-Жюста были «Фрагменты о республиканских установлениях», изданные уже посмертно. «Привязанности» - название второго пункта шестого фрагмента. Излагал свои мысли о гражданских основах нового общества, Сен-Жюст придает огромное значение духовной связи между людьми, силе человеческих чувств и привязанностей. Он предлагает, чтобы каждый гражданин, достигший 20-летнего возраста, всенародно объявлял, кто его ближайшие друзья. Если человек покидает друга, он должен публично объяснить причины этого, в противном случае граждане изгоняют недостойного члена общества. Сен-Жюст предлагает, чтобы в бою друзья сражались рядом. Если один из них погибает, другой носит траур. Если один из граждан изменяет родине, друзья его изгоняются. Отсутствие друзей, по мнению Сен-Жюста, тягчайшее из преступлений. «Если кто-либо заявляет, что у него нет друзей, что он не верит в дружбу, такой человек изгоняется».²⁴

Многие положения Робеспьера, Марата, Сен-Жюста перекликаются с Заявлением Руссо: «Как будто добрый гражданин создается не из доброго сына, доброго отца, доброго мужа!» (II, 334).

К.-А.Фюзиль, которого нельзя заподозрить в доброжелательности по отношению к Руссо и якобинцам, говорит об эпохе якобинской диктатуры: «В каждой напечатанной строке, во всех рассуждениях можно было встретить выражения: «души чувствительные и доброжелательные», «души чувствительные и великодушные», «души мужественные и чувствительные», «души искренние и чувствительные».²⁵ Чувствительность, по заявлению Фюзиль, для якобинцев была неотъемлема от добродетели, мужественности, великодушия, искренности, моральной чистоты.

О сентименталистской основе мировоззрения якобинцев говорит и характерный для них культ природы. Марат писал о своем желании найти такой уголок на земле, «где можно видеть небо, ясное и смеющееся».²⁶ Сен-Жюст считает, что школы в обществе будущего должны находиться на лоне природы. Близость к природе для него неразрывно связана с характерными чертами нового, настоящего человека. Он восклицает: «Будем жить на берегу реки, баюкать наших детей, воспитывать в них бескорыстие и отвагу».²⁷

[... пропущено в оригинале] представлений об уютном уголке земли. Природа - это естественность, это торжество закона, согласно которому все равны, это сближение с людьми земли, людьми труда. Отмечалось, что желание сблизить человека с природой проявилось даже в названиях месяцев по республиканскому календарю. Здесь месяц сбора винограда - вандемьер, месяц произрастания - жерминаль, месяц лугов - прериаль, месяц цветения - флореаль, месяц колосьев - мессидор, месяц плодов - фрюктидор.

Близость к природе для якобинцев - подтверждение естественности человека, а с понятием естественности у них неразрывно связано свободолобие.

Для Сен-Жюста, например, неотделимы свобода и возвращение к природе. Он восклицает: «О свобода, святая свобода! Ты мало значила бы для людей, если бы делала их только счастливыми, но ты, кроме того, возвращаешь их к природе и добродетели».²⁸

Робеспьер также требовал возвращения человека к природе - источнику справедливости. В речи о народном образовании он говорит: «Если природа создала человека добрым, то к природе и нужно вернуть его». И продолжает: «Если социальные учреждения испортили человека, то именно эти социальные учреждения и нужно реформировать».²⁹ Понятие естественного человека, близкого природе, было выдвинуто еще до Руссо. Но Руссо и якобинцы вложили в него свой смысл. Они неразрывно связали природу и естественность с свободой, равенством, гражданской доблестью. Вернуть человека к природе - не значило для них отправить его в лес (так издевательски высмеивал Жана-Жака Руссо Вольтер), а значило вернуть человеческому обществу те принципы и законы, которые, по их мнению, дарованы человеку природой. Руссо пишет: «Если желают сформировать человека природы, для этого вовсе не нужно создавать из него дикаря и ссылать его в глубь лесов... Достаточно, если ... он видит собственными глазами, чувствует собственным сердцем» (II, 186). С понятием возвращения человека к природе Руссо связывает признание необходимости решительных и коренных социальных преобразований. Не случайно Л.-С.Мерсье, ученик Руссо, является автором не только романа «Дикарь», но и социального романа «2440-й год», где идет речь о коренном, революционном переустройстве жизни, об обществе, которое возвращено к естественным законам природы. Не случайно сам Руссо, прославляющий природу и в «Рассуждении о науках и искусствах», и в романе-трактате «Эмиль», и в «Новой Элоизе», ратует в этих произведениях за свободу человеческой личности, за равенство сословий, за новые нормы человеческого общежития. Не случайно именно ему, страстному певцу природы и естественности, принадлежит трактат «Общественный договор», начинающийся словами: «Человек рожден свободным, но всюду он в оковах».

Если якобинцы, деятели левого крыла французских революционеров XVIII в., сентиментальны, то сентименталист Руссо революционер.

В постановке вопросов морали, этики (а это менее всего отмечалось) Руссо тоже проявляет себя как мыслитель предреволюционной эпохи, идеолог масс, которые вскоре ринулись на штурм Бастилии. Его сентиментальность не противоречит гражданственности, а сопутствует ей. Он рассматривает человека прежде всего как члена гражданского общества, как часть большого коллектива и в этом перекликается с якобинцами.

Буржуазные историки много говорили о «непоследовательности» Руссо в вопросах этики. Об этом писали З.-А.Жирарден³⁰, Е.Фаже³¹, Роде. Пожалуй, особенно четко эту точку зрения выразил Жанэ в «Истории философии, морали и политики»: «Мысль Руссо беспрестанно колеблется между двумя, противоположными принципами: право государства и право индивида».³² Но кажущееся противоречие может быть объяснено, если принять во внимание, что Руссо был «революционным демократом» (термин Н.Г.Чернышевского), буржуазным индивидуализмом ему не был свойственен. Руссо действительно осуждает «частный интерес, который, при господстве конкуренции, неизбежно берет верх над всем остальным».³³ В романе-трактате «Эмиль» он с уважением говорит о тех, кто располагает собой, имея в виду целое, считается с интересами окружающих, чье «положение определено по отношению к общему центру». Для него порочен человек, «располагающий целым в «интересах самого себя» (II, 263).³⁴

Ж.-Ж.Руссо, как и большинство деятелей левого крыла французских революционеров, огромное место уделяет вопросам нравственности. Высокую нравственность поборников справедливости он противопоставляет аморальности, развращенности французских аристократов. Нравственность им нередко осмысливается как сила, способная активно помогать переустройству общества. Руссо в «Эмиле» патетично восклицает: «Совесь, совесь! Ты божественный инстинкт, бессмертный, небесный голос, надежный руководитель существа невежественного и ограниченного, но разумного и свободного, непогрешимый судья добра и зла, уподобляющий человека богу! Ты меня возвышаешь, руководишь мои малые поступками; без тебя я не чувствую в себе ничего, что ставило бы меня выше животных» (II, 262).

Руссо стремится подготовить человека к возможным суровым испытаниям, воспитать в нем решимость пойти на жертвы ради высоких нравственных идеалов. «Нет счастья без мужества, нет добродетели без борьбы» (II, 416), - говорит наставник юному Эмилю. «Научись покидать все, когда этого требует добродетель, научись ставить себя выше случайностей, отречься от них, не терзаясь сердцем, быть мужественным в превратностях судьбы» (II, 418).

Превознесение нравственного начала в человеке у Руссо связано с желанием выделить его из среды животного мира, подчеркнуть его известную исключительность, большие возможности. Нередко в вопросах этики Руссо явно или скрыто полемизирует с отдельными положениями мыслителей-материалистов XVIII в. Гольбах, например, говорил: «Все наши мысли, желания и

аффекты происходят от наших материальных и физических чувств. Вся наша жизнь развивается по линии, предназначенной природою, от которой мы никуда ни на миг не можем отклониться... Мы хороши или дурны, счастливы или несчастливы, мудры или безумны совершенно независимо от участия воли во всем этом».³⁵ Человек у Гольбаха утрачивает свободу воли, он связан только с материальной стороной жизни. Руссо несколько искусственно, произвольно выделяет человека в особую категорию существ, по его мнению, не полностью материальных. В этом сказались идеалистические заблуждения Руссо, но в то же время осознание необходимости вдохнуть в человека высокое нравственно начало, столь важное для людей, способных многим жертвовать ради высоких революционных идей и стремлений.

Ж.-Ж.Руссо резко разошелся с французскими материалистами по вопросу о побудительных силах человеческих поступков. Он не может признать, что человек руководствуется только личным материальным интересом. В «Эмиле» Руссо заявляет: «Если нет никакой морали, если не говорить о сердце человека, откуда являются в нем это восторженное удивление перед геройскими поступками, это полное любви восхищение великими душами? Какое отношение к нашей личной выгоде имеет восхищение добродетелью?.. Тот, чьи низкие страсти заглушили в узкой душе его эти прекрасные чувства, тот, кто сосредоточил весь свой интерес на одном себе, в конце концов любит только себя» (II, 259).

Переключаясь с Руссо в вопросах этики, морали, Робеспьер в ряде своих речей периода якобинской диктатуры резко выступил против французских материалистов (в первую очередь он имел в виду Гельвеция), против тех кто придерживался «практической философии» и ввел эгоизм в систему».³⁶ Робеспьер чутко уловил индивидуальные побуждения, скрытые за материалистическими положениями философов XVIII века, побуждения, открывавшие в известной степени простор буржуазной инициативе. Руссо и Робеспьер противопоставили скрытому буржуазному индивидуализму принципы коллективистской, гражданской этики, философская основа которой была довольно идеалистична,, была связана с провозглашением примата духовного над физическим, материальным.

Недооценка некоторыми французскими материалистами духовного начала в человеке в какой-то степени вызвала к жизни теорию Верховного существа, проповедуемую и Руссо и Робеспьером. Робеспьер вслед за Руссо резко осудил атеистов (речь на празднике Верховного существа 8 июня 1794 г.). Советские исследователи отказались от попытки отождествления деизма Руссо и Робеспьера с ординарной реакционностью. В.Ф.Асмус подчеркнул, что у Руссо «протест против рационализма, защита чувства против рассудка неотделимы от протеста социального».³⁷ А Чернышевский, как известно, сказал о Руссо, что «религиозный интерес его чисто гражданский».³⁸

Вера в активную человеческую личность, признание примата духовного над физическим, ставка на чувства, прославление нравственной красоты человека - все это роднит Ж.-Ж.Руссо с Робеспьером, Сен-Жюстом - «сентиментальными революционерами».

Своеобразие сентиментальной революционности во многих ее аспектах, переключки с Руссо ярко проявились в трактате активного деятеля Великой французской революции Н.Бонвилля «О духе религий» (1791 г.) и приложении ко второму; изданию книги, появившейся с точным указанием даты ее выхода в свет: 14 июля 1792 года. Книга проникнута ярко выраженными революционными идеями и в то же время отличается повышенной эмоциональностью, руссоистской сентиментальностью. Автор с радостью говорит о рухнувшей тирании, о необходимости защитить свое свободное отечество. От имени друга Жана-Жака он с удовлетворением заявляет, что государство, где он живет, создано по законам нового общественного договора - «общественного договора Жана-Жака Руссо!»³⁹ Бонвилль исходит из признания совершенства природы, он верит, что человек из рук ее выходит прекрасным: «Будь таким, каким тебя создала природа»⁴⁰, - заявляет он. Отдельный раздел книги носит название: «О человеческом сердце» (§ 75). Автор задается вопросом, горит ли огнем сердце человека, отличается ли он прямоотой и величиим характера, думает ли человек об общем благе, является ли он другом истины. Постоянно фигурирует в книге Бонвилля термин «друзья добродетели». Слово добродетель подразумевает гражданскую доблесть, верность революционным идеям. Оно имеет политический смысл. Бонвилль славит человека, говорит о его величии: «Я заставлю природу произнести такое признание, которого она испугается: человек - это бог». Гимном человеку является 47-й параграф книги. Бонвилль восхищается активной, эмоциональной личностью, человеком, в котором кипит кровь, взор которого «сверкает, как бриллиант», который плачет горьким огнем слез и едкая влага чертит полосы на его щеках».⁴¹ Характерно, что, прославляя человека, Бонвилль использует яркий, эмоциональный стиль, переключаясь со стилем Ж.-Ж.Руссо. Человек - это и «неприрученный тигр»⁴², и «нежный цветок, необыкновенное растение»⁴³, «все сказано словом Человек!» Он задается вопросом, похожа ли жизнь человека на выстрел пушки, остается ли после человека заметный след в жизни, и отличает на этот вопрос утвердительно.

Религия Бонвилля - это религия человечности, обожествление человека, в то же время это заповеди гражданского долга, борьбы за человеческое счастье, счастье народа. Известная идеалистичность автора проявляется в утверждении, что человек не умирает полностью после физического ухода из жизни (от Руссо идет теория о двух субстанциях, отличающих человека). Интересно, что, заявляя о бессмертии человека, Бонвилль обращается к народным трибунам: «Нет, тот, кто творит вечные идеи, не может исчезнуть»⁴⁴, «Я не знаю, где он будет существовать, но я знаю, что он будет существовать».⁴⁵ Он не хочет верить, что человек-мыслитель истлеет в могиле, он возмущается теми материалистами, которые признают человека смертным (переключка с обращением Ж.-Ж.Руссо к Гельвецию в «Эмиле»).

Взволнованная, ярко эмоциональная книга видного общественного деятеля Великой французской революции проникнута, как мы видим, мироощущением сентименталиста. Здесь культ природы, прославление богатств души и сердца, дух свободолюбия и высокой гражданственности, характерный для революционного сентиментализма, Руссо.

Имена деятелей Великой французской революции, о которых приходилось говорить, не равноценны. Некоторые из них: Мирабо, Бонвилль, Бриссо не удержались на высокой революционной волне, оказались позднее в лагере жирондистов. Но на определенном этапе своей исторической деятельности и они выражали настроения широких народных масс, поднявшихся на борьбу, способных на подвиг. В этом порыве энтузиазма, высокой гражданственности, жертвенности представители передовой Франции черпали немало в учении Руссо, революционного сентименталиста, давшего революции «не только идеи, но и темперамент».⁴⁶

Особенно близок сентименталист Руссо якобинцам. Как мы видели, у Руссо и якобинцев (Робеспьера, Сен-Жюста) поборник равенства, добродетельный человек - это своеобразный сентименталист, личность эмоциональная и темпераментная. Сентиментализм Руссо и якобинцев не противоречит гражданской этике, а, наоборот, предполагает ее. Сентиментализм Руссо чужд стремления уйти в частный, замкнутый внутренний мир, чужд любования только личными переживаниями. Для Руссо важны действенные чувства, помогающие самоутверждению личности и революционному обновлению жизни.

Сентиментализм Руссо - это не только культ чувства, но и гражданский пафос, взволнованное и эмоциональное провозглашение принципов демократической, гражданской этики. Не случайно круг общественных проблем поставленных, например, в романе «Новая Элоиза», очень широк, автора волнует не только личная сторона жизни героев, но и принципы их гражданской морали.

Своеобразие сентиментализма Руссо обусловлено его демократическими и революционными позициями, тесно связано с борьбой прогрессивных сил эпохи. Это сентиментализм, характерный для определенной группы французских просветителей, отличный от сентиментализма Англии, Германии. Его специфика связана с особенностями исторического, общественного развития Франции, с революционной ситуацией в этой стране, остротой борьбы за новые общественные установления. Не случайно пылкие герои «Новой Элоизы» ратуют за гражданскую добродетель, готовят себя к подвигу. Не случайно можно говорить о героике и гражданственности, которые характерны для сентиментального романа Руссо, высоко оцененного будущими участниками революционных боев.

Общие особенности мироощущения сентименталиста Руссо и виднейших деятелей Великой французской революции «сентиментальных революционеров» подчеркивают и историческую обусловленность своеобразия сентиментализма Руссо, мужественного сентиментализма, помогающего формированию нового человека.

Примечания

- 1 А.И.Герцен. Собрание сочинений/ Под ред. Лемке. Т.3, 1916, с.310.
- 2 Вопрос об общности мироощущения Ж.-Ж.Руссо с некоторыми якобинцами М.Н.Розановым только поставлен.
- 3 P. Trahard. La sensibilite revolutionnaire (1789-1794). Boivin, 1937.
- 4 С.А.Фусил. La contagion sacree, ou J. J. Rousseau de 1778 a 1820. P., 1932.
- 5 P.Роллан. Собр.соч. Т.14. М., ГИХЛ, с.608.
- 6 Эта точка зрения высказана и в других статьях данного автора.
- 7 J.J.Rousseau. Oeuvres completes. Ed. Hachette. P., 1908. (В скобках указаны том и стр.)
- 8 Oeuvres et correspondance inedites de J.J.Rousseau. P., 1861, p.160
- 9 L.S.Mercier. De J.J.Rousseau. V I, P., 1791, p.177.
- 10 Там же, с. 189.
- 11 B.Barere. Eloge de J.J.Rousseau, citoyen de Jeneve. Eloges academiques. P., 1800, p.280-281.

- 12 Там же, с.205.
- 13 *К.Маркс и Ф.Энгельс*. Соч. Изд. 2-е. Т.1, с.38.
- 14 *H.G.Mirabeau*. Oeuvres. V.II. P., 1835, p.79.
- 15 *H.G.Mirabeau*. Lettres originales, ecrites au donjon de Vincennes. V.IV. P., 1792, p.240.
- 16 *М.Робеспьер*. Избранные сочинения. В 3-х т. Т.3, М., 1965, с.170.
- 17 *М.Робеспьер*. Указ.соч., с.173.
- 18 Там же.
- 19 *М.Robespierre*. Oeuvres choisies. V. III. P., 1832-1842, p.645.
- 20 *J.P.Marat*. Correspondance. P., 1908, p.166.
- 21 *L.A.Saint-Just*. Oeuvres completes. V.II. P., 1908, p.372.
- 22 Там же, с.385.
- 23 *L.A.Saint-Just*. Oeuvres completes. V.II. P., 1908, p.488.
- 24 *L.A.Saint-Just*. Oeuvres... p.519.
- 25 *C.A.Fusi1*. La contagion sacree, ou J.J.Rousseau de 1778 a 1820. P., 1932, p.274.
- 26 *H.Champion*. Rousseau et Marat. Revue Bleue. 1908, p.103.
- 27 *L.Saint-Just*. Oeuvres... p.377.
- 28 *L.Saint-Just*. Oeuvres, p.327.
- 29 *М.Robespierre*. Oeuvres... p.180.
- 30 *S.M.Jirardin*. Rousseau, sa vie et ses oeuvres. P., 1875.
- 31 *E.Faguet*. Politique comparee de Voltaire Montesquieu et Rousseau. P., 1902.
- 32 *P.Janet*. Histoire de la philosophie morale et politique. P., 1858, p.478.
- 33 Там же.
- 34 Подробнее вопрос рассмотрен в ст.: *Т.Л.Занадворова*. Героика и гражданственность в романе Ж-Ж.Руссо «Новая Элоиза»/ В кн.: Вопросы истории и теории литературы. Вып.6. Челябинск, 1970.
- 35 *P.Holbach*. Systeme de la Nature. V.I, 1770, p.187.
- 38 *М.Робеспьер*. Указ.соч., с.173.
- 37 *В.Ф.Асмус*. Ж.-Ж.Руссо. М., «Знание», 1962.
- 38 *Н.Г.Чернышевский*. Неопубликованные произведения. Саратов, Облиздат, 1939, с.309.
- 39 *N.Bonneville*. Les appendices a 1-eme introduction. De l'esprit de religion. P., 1792, p.312.
- 40 Там же, с.4.
- 41 *N.Bonneville*, p.95.
- 42 Там же, с.102.
- 43 Там же, с.102-103.
- 44 *N.Bonneville*, p.432.
- 45 Там же, с.298.
- 46 *Ed. Quinet*. La revolution. V.I. P., 1808, p.148.